

This "independence" lasted only for eleven years, to 1783, when Catherine II formally and totally annexed the Crimean peninsula to her state and transformed it into *Tavricheskaia guberniia*. Halim Giray remarks bitterly in his history that the result was a foregone conclusion. The Girays and the Crimeans with them could have preserved their national identity only as part of the Ottoman Empire, in which they had been able to maintain their special relationships with the Sultans. The Girays were "shamefully fooled" by the clever words of Russian diplomats into believing the "non sense" of Crimean glory in the past as an independent state. Halim Giray concludes that whatever "glory" the khans of old had possessed was directly related to their connections with the Ottomans; it had been the Ottomans, he reminded his readers, who had permitted the Girays so much independence of action. This they forgot completely in the wartime years of the late 1760's, and it brought them to the tragedy of the 1770s.

The annexation of the Crimea by the Russian Empire was not the end of Crimean aspirations for identity, however. Substantial numbers of Tatars emigrated from the Crimean peninsula in several waves (1783-85, 1812-14, 1826-27, and 1854-62) to Anatolia and Rumelia, many of them settling in the suburbs of Istanbul.¹ Within the Ottoman Empire, the Crimean Tatars continuously pressed for Ottoman support for their return "to their homeland" and did not seem to be easily assimilated into Ottoman society. Those Tatars remaining in the Russian Empire, despite vigorous attempts by the government to deny their national identity, to convert them to Orthodoxy, and to move them around the empire to break their hold on their lands, retained at least a germ of national consciousness, which was renewed and which grew into a flourishing national movement in the late nineteenth century and the beginning of the twentieth.² And it was to be Tatar nationalist leaders, both in Russia and in Turkey, who were to have such an impact on the growth of Turkish nationalist aspirations at the end of the century.

ALAN FISHER

BETWEEN RUSSIANS, OTTOMANS AND TURKS:

CRIMEA AND CRIMEAN TATARS.

The Isis Press, Istanbul 1998, s.93-121.

¹See Mark Pinson, "Russian Policy and the Emigration of the Crimean Tatars to the Ottoman Empire, 1854-1862," *Güney-Doğu Avrupa Araştırmaları Dergisi* (Istanbul, 1972), 1:37-56 (to be continued in a later volume) for a discussion of the last of these emigrations.

²Ethem Feyzi Gözaydın, *Kırım: Kırım Türklerinin Yerleşme ve Göçmeleri* (Istanbul, 1948); Alexandre Bennigsen and Chantal Lemerrier-Quellejay, *La Presse et le mouvement national chez les musulmans de Russie avant 1920* (Paris, 1964); Serge A. Zenkovsky, *Pan-Turkism and Islam in Russia* (Cambridge, 1960); and Cafer Saydahmet, *Gaspıralı İsmail Bey: Dilde, Fikirde, İşte Birlik* (Istanbul, 1934).

182607
X ŞAHİN GIRAY, THE REFORMER KHAN, AND THE
RUSSIAN ANNEXATION OF THE CRIMEA

I. *The Establishment of the Independent Crimea*

The transformation of the Russian state into a far-flung multinational empire has scarcely received the attention that it warrants. In recent years Soviet scholars have become more interested in this problem and have been working hard to distinguish Russian imperialism under the Tsars from that of the western European states. Western scholars interested in the Russian Empire, on the other hand, have generally fallen into two camps: one which accepts the Soviet interpretations of either "the lesser evil" formula or the theory of positive benefits to the subjected nationalities; or one which severely criticizes Russian expansion into non-Slavic areas which were not historical parts of early Russian states. Little emphasis from either the Soviets or the West has been placed upon the actual methods utilized or the contemporary causes and justifications given for Russian expansion.

The Russian annexation of the Crimea in 1783 is a case in point. Both supporters and critics of Russian imperialism make such generalizations as the statement that the incorporation of the Crimea into Russia was an integral part of a larger "Greek Project" formulated as early as 1779¹, or the claim that Catherine accomplished "the recovery of fertile lands lost to Asiatic invaders since the days of the Kievan State"². Boris Nolde included the topic of Crimean annexation within the broader framework of the building of the whole Russian Empire³. But Nolde was content to follow the works of the nineteenth century Russian scholar Smirnov and the German scholar Zinkeisen and provided little more than a sketch of events rather than an analysis of reasons for and methods of the annexation.

IRCUA: 37153

¹Michael, T. Florinsky *Russia: A History and Interpretation*. New York 1947, vol. 1, pp. 527-528. The author wishes to thank the U.S. Office of Education for making possible his stay in Istanbul during the summer of 1965 through their grant of a Fulbright-Hays fellowship. He wishes to express his appreciation to the government of the Republic of Turkey for granting him permission to work in the Başbakanlık Arşivi in Istanbul, to Dr. Midhat Sertöglü, its director, and to Mr. Turgut İşiksal, a member of his staff, for their valuable help in locating documents and for aid in deciphering difficult handwritings.

²Nicholas V. Riasanovsky *A History of Russia*. New York 1963, p. 293.

³Boris Nolde *La Formation de l'Empire russe. Études, notes et documents*. Vol. 1-2. Paris 1952-1953; here vol. 2, pp. 115-195.

Текст воспроизведен по изданию: **События, случавшиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана** // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. кн. 24. 1856. (пер. А. С. Фирковича)

РАББИ АЗАРЬЯ

СОБЫТИЯ, СЛУЧАВШИЕСЯ В КРЫМУ В ЦАРСТВОВАНИЕ ШАГИН-ГИРЕЙ-ХАНА

(Перевод с Еврейской современной рукописи сочиненной Караимом Рабби-Азарья сыном Илии).

В 1777. Году (5537. От С. М.) разнесся слух, что Шагин-Гирей-Хан прибыл в Крым, и прислал тайные письма к Визиру Абдулу Ага и его подчиненным. Князь Федоровский зимою еще, до прибытия Хана, подошел с своим войском к Перекопу; тогда Девлет-Гирей-Хан послал к нему послов, спрашивая: кто он? куда и с каким намерением идет? Федоровский принял их очень вежливо, но не дал прямого ответа. Тогда Девлет-Гирей-Хан послал к самому Шагин-Гирей-Хану, чтобы узнать его намерение и желание его приверженцев. Жители Крыма не знали ничего об этом деле; но приверженцам Шагин-Гирей-Хана все было известно, потому что они согласились отдать ему престол, о чем известили его чрез своих посланников и пригласили принять власть над ними, не говоря однако ничего о своих замыслах своим соотечественникам. Тогда Девлет-Гирей-Хан созвал своих сановников и весь простой народ (называемый Кара-Татар, то есть черные Татары) и требовал от них присяги, что останутся верными и не перейдут на сторону Шагин-Гирей Хана. Это происходило на дворе Бахчи Сарайского дворца, где объявлена была народу измена некоторых сановников, и что Хан принимает только присягу черного народа, который, не зная о новом претенденте, действительно присягнул Девлет-Гирей-Хану и обещал остаться верным своему Государю. Приверженцы Хана Кади Аскер Эфенди, сын Махмеда, Кул-Эфенди, Ширин-Мамбет-Гирей-Мурза и Ислам Мурза, зная что половина народа перешла на сторону Шагин-Гирей-Хана, очень усердно наклоняли народ к этой присяге. Между тем (в Марте месяце) Девлет-Гирей-Хан, желая ограбить Караимов, живущих в Чуфут-Кале, и монахов Успенского монастыря, взвел на них ложное подозрение, будто они нашли на земле монастырской сосуд, наполненный

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/1780-1800/Vyezd_Shagin_Gireja/text.htm

Текст воспроизведен по изданию: **Выезд последнего Крымского Хана Шагин-Гирея из России в Турцию, в 1787 году** // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 13. Одесса. 1883

ВЫЕЗД ПОСЛЕДНЕГО КРЫМСКОГО ХАНА ШАГИН-ГИРЕЯ ИЗ РОССИИ В ТУРЦИЮ, В 1787 ГОДУ

(Обстоятельства предшествовавшие к удалению из Крыма добровольно отказавшегося от ханства Шагин-Гирея, помещены в секретных ордерах 1781-1787 годов князя Потемкина разным лицам, в XII томе Записок, от страницы 249 до 314-й, в статьях под №№ 1, 5, 6, 7, 9, 11, 12, 17, 24, 32, 51, 84, 91, 92, 99, 107, 108, 122, 123, 124, 126, 128, 132, 145)

Сиятельнейший князь! Милостивый Государь! Возвратясь в Калугу, сделал я первое посещение Хану (Обстоятельства, предшествующия Ханскому выезду из Крыма, см. Записок т. VIII, стр. 267), необъяснялся об известной Вашей Светлости вещи: но чрез три дни после сего быв у него при порученном мне изъяснении, вручил ему оную. Удивление его а паче прискорбие в случае сем были чрезвычайны: но по выслушании с глубоким почтением того, что препоручено мне было внушить ему, изъяснялся в невинности или паче неведением здешних обычаев, в довод чего показал мне копию с письма своего имеющего в содержании единую прозбу об уведомлении, что поднесено-ли графом Александром Андреевичем, отправленное им прежде сего письмо к Ее Императорскому Величеству, в посткрипте же написано, что следуя обычаю свойственному той земле, в которой он жил, посылает при сем перстень, для опытного удостоверения в своей дружбе. Но и к сему, объяснился мне, что не прежде приступлено им как по убеждению и удостоверению г. Хрущова, что явственнее усмотреть изволяете из прилагаемой у сего копии с сделанного им ко мне отзыва; о представя Милостивый Государь вам не обременяю я Ее Императорское Величество моим донесением и не пишу к графу Александру Андреевичу (Безбородько) зная, что буде нужно о сем [133] ведать Ее Императорскому Величеству, то Ваша Светлость изъяснить благоволяете. Впрочем же по краткости моего здесь пребывания не более я могу донести об нем как то, что он с самого сюда приезда пребывает весьма спокойно и уединенно, и кажется что без оскорбления